

УДК 323.2

DOI 10.63115/3145.2025.66.48.002

ОБЗОРНАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

Символический геополитический капитал современного российского города: возможности и риски

Аксёнов Константин Эдуардович

доктор географических наук, профессор кафедры региональной политики и политической географии, Институт наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

axenov@peterlink.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4728-0121>

Аннотация

В данной статье рассматривается влияние символического геополитического капитала на формирование политической идентичности и общественного сознания в современных российских городах. Основное внимание уделяется конфликтогенной природе геополитических знаков, которые часто становятся объектами споров и активизма. Проанализированы потенциальные источники конфликтогенности, включая конфликты, связанные с внешними войнами, территориальными расширениями и вопросами суверенитета.

Автор исследует изменение иерархии материальных геополитических знаков в зависимости от политического контекста. Особое внимание уделяется процессам интернационализации и dein-

тернационализации, произошедшим в топонимике Санкт-Петербурга на протяжении XX века.

Также акцентируется внимание на том, что исторические названия сохраняют латентный конфликтный потенциал, который может быть активирован в новых политических условиях. Несмотря на переименования в постсоветский период, многие названия продолжают ссылаться на имперское прошлое, что влияет на восприятие гражданами истории и геополитики.

В заключении автор подчеркивает, что символические знаки формируют «нормативные» и «нормальные» геополитические картины мира, которые имеют значение для идеологических процессов и политической мобилизации в обществе.

Ключевые слова

символический капитал, памятники, геополитика, урбанистика, Ахмет Валидов

Геотеги

Россия, Республика Башкортостан, Сибай

Symbolic Geopolitical Capital of the Modern Russian City: Opportunities and Risks

Axenov Konstantin

Doctor of Geographical Sciences, Professor of the Department of Regional Policy and Political Geography, Institute of Earth Sciences, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

axenov@peterlink.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4728-0121>

ABSTRACT

This article examines the influence of symbolic geopolitical capital on the formation of political identity and public consciousness in modern Russian cities. The main attention is paid to the conflictogenic nature of geopolitical signs, which often become objects of controversy and activism. Potential sources of conflictogenicity are analyzed, including conflicts related to foreign wars, territorial expansions and sovereignty issues.

The author explores the changing hierarchy of material geopolitical signs depending on the political context. Special attention is paid to the processes of internationalization and de-internationalization

that took place in the toponymy of Saint Petersburg during the 20th century.

It also emphasizes the fact that historical names retain latent conflict potential, which can be activated in new political conditions. Despite renaming in the post-Soviet period, many names continue to refer to the imperial past, which affects citizens' perception of history and geopolitics.

In conclusion, the author emphasizes that symbolic signs form "normative" and "normal" geopolitical pictures of the world, which are important for ideological processes and political mobilization in society.

KEY WORDS

symbolic capital, monuments, geopolitics, urbanistics, Akhmet Validov

GEOTAGS

Russia, Republic of Bashkortostan, Sibai

 сегодня здесь выступаю в двух административных ипостасях, связанных с тематикой этого доклада. Во-первых, я являюсь научным руководителем магистерской программы «Геоурбанистика» в СПбГУ и по этой же тематике являюсь профессором Высшей школы экономики. А вторая ипостась связана с тем, что я профессор кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ. Можно сказать, что представляемая сегодня тема родилась под непосредственным влиянием этих ипостасей: «Символический геополитический капитал современного российского города: возможности и риски».

О чём это? Казалось бы, символический капитал города — тема достаточно заезженная, извините за такую... сленговую оценку... Эта тема разрабатывается в разных институциональных, дисциплинарных формах и форматах, литературы по ней очень много. Но здесь речь пойдёт об одной специфической части символи-

ческого городского капитала, о которой написано и сказано пока точно недостаточно. Это геополитический символический капитал [Аксёнов, 2024а].

Почему он? Я вижу по крайней мере две причины, почему этой темой нельзя заниматься прямо сейчас. Первое — это то, что, в отличие от многих тем символической политики, которые могут приводить в реальности к общественным и политическим столкновениям по поводу городских символов, тематика столкновений с использованием геополитических символов явно выходит на первый план, по крайней мере, потому, что она почти автоматически масштабируется до самого глобального уровня [Аксёнов, 2023б].

Вот фотографии, находящиеся в открытом доступе в сети Интернет, которые как раз демонстрируют уровни масштаба и причины, почему следует заниматься этой проблематикой. Первое фото — это протест с использованием городских символов в большей степени регионального или местного масштаба.

Рис. 1. В Ростове коммунисты провели пикеты против установки бюста барону Врангелю

Figure 1. In Rostov, Communists held pickets against installation of a bust of Baron Wrangel

Источник: В Ростове коммунисты провели пикеты против установки бюста барону Врангелю // Donnews. ru. 2023, 24 ноября. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.donnews.ru/amp/u-rostove-kommunisty-proveli-pikety-protiv-ustanovki-bysta-baronu-urangelyu> (дата обращения: 24.01.2025).

Здесь местные активисты протестуют против установки бюста Врангелю в Ростове-на-Дону, адресат этого протеста — региональные власти и, возможно, более широкая российская аудитория.

Второе фото — это действие точно уже таргетировано не только на национальный, но и на межгосударственный уровень. Наверное, вы можете догадаться, что речь идёт о демонтаже памятников советским военачальникам, в частности, в сопредельных России государствах.

Рис. 2. Минобороны РФ увидело в сносе бюста Жукову движение Украины к варварству

Figure 2. Russian Defense Ministry sees Ukraine's demolition of Zhukov's bust as a move toward barbarism

Источник: Минобороны РФ увидело в сносе бюста Жукову движение Украины к варварству // РБК. 2019. 3 июня. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/06/2019/5cf527839a79475a952a476c> (дата обращения: 24.01.2025).

Рис. 3. В США за время антирасистских протестов снесли 33 памятника Колумбу

Figure 3. 33 Columbus monuments torn down in US during anti-racism protests

Источник: В США за время антирасистских протестов снесли 33 памятника Колумбу // Известия. 2020. 25 сентября. [Электронный ресурс]: URL: <https://iz.ru/1065620/2020-09-25/v-ssha-za-vremia-antirasistskikh-protestov-snesli-33-pamyatnika-kolumbu> (дата обращения: 24.01.2025).

Ну, и последнее фото — лицо, которое смотрит в пол.

Это, если кто-то не узнал, лицо Христофора Колумба, памятники которому регулярно ниспровергаются в настоящее время во многих государствах мира. В первую очередь в государствах Запада или переселенческого капитализма. И связано это с новыми прочтениями геополитической проблематики прошлого, которые транслируются такими акциями на глобальный уровень... Почему и как все это происходит, мы сегодня с вами как раз и посмотрим.

Надо ли это вообще изучать? Надо, поскольку в России в XXI веке (мы с вами во многом не замечаем этого) на разном уровне — от масштабов села и небольшого города до России в целом — происходили сотни конфликтов с участием городских символовических объектов, значительная часть из которых была связана

с геополитической проблематикой. Повторяю, что именно эти конфликты выходили на более высокие уровни не только символической, но и в целом политики вообще. Самое главное, что пока мы здесь с вами находимся, на нашем с вами заседании, эти конфликты продолжаются.

Мы исследуем эти конфликты со студентами обоих вузов, которые я упомянул. Причём, занимаемся этим уже не первый год и по одной и той же методике, что позволяет делать сравнения и единую аналитику по большому объёму кейсов.

В качестве примера покажу только две большие темы, которые мы последнее время рассматривали, и по которым были выявлены и проанализированы конфликты по поводу городских монументов или памятников.

Тема 1. «Памятники раздора символам досоветской эпохи» — проанализированные конфликты с номинациями: Ермак (Тюмень, Тобольск, Омск, Тара), Взятие Казани, Александр II (Сочи), Казачий форт (Сочи), Шамиль (Махачкала), Лазарев (Сочи, Нальчик), Суворов (Майкоп, Черкесск), Иван Грозный (Грозный, Чебоксары, Астрахань), Ермолов (Грозный, Краснодар, Минводы, Пятигорск, Орел, Адлер), Фон Засс в Армавире. Тема 2. «Памятники раздора символам эпохи Гражданской войны и иностранной интервенции» — проанализированные конфликты с номинациями: Колчак (Омск, Иркутск, Стерлитамак, Санкт-Петербург, Владивосток, Хабаровск, Москва), Деникин (Москва), Врангель (Ростов), Корнилов (Краснодар), доска Каппелю (Ульяновск), Краснов (Ростовская обл.), Белоцехам (Самара).

Это не все конфликты по этим темам, и не все конфликты, которые мы рассматривали за эти годы, безусловно. Некоторые из них могут показаться странными, неизвестными или непонятными. Сейчас я на них останавливаться не буду, на эту тему только что вышла моя большая публикация в *Известиях РАН*, Серия географическая [Аксёнов, 2024б].

Однако, в этом списке нет конфликта, на примере которого я хочу показать то, как приобретают всё большую важность конфликты по скрытым геополитическим проблемам, которые не всему обществу видны. Есть конфликты по поводу каких-то войн, идеологий, персон, геополитических событий прошлого или настоящего, которые составляют общий современный политический дискурс, достаточно широкий и публичный, а есть проблематики, известные лишь определенным группам, объединенным каким-либо геополитическим интересом.

Эти проблематики выходят на свет зачастую только тогда, когда проявляются в конфликтном взаимодействии. И вот такие тематики я хочу проиллюстрировать одним примером. Речь идет о символической фигуре Ахмет-Заки Валиди Тогана или Ахмета Валидова, как его иногда у нас называют. Цитирую «Википедию»: военно-политический деятель, лидер башкирского национально-освободительного движения (в 1917–1920 гг.), публицист, историк, востоковед, тюрколог, доктор философии, профессор, почётный доктор Манчестерского университета. Добав-

лю, что профессор он не одного университета, а, по крайней мере, еще и Стамбульского. И все, что здесь написано, в общем, правда.

Другое дело, что в «Википедии» написана не вся правда. Личность Ахмета-Заки Валиди выступает одним из маркеров очень острой конфликтной геополитической проблематики в символической городской, и не только городской, политике современной России и даже за ее пределами.

Что здесь не написано или что здесь между строк (или между знаков) написано. Действительно, он был лидером башкирского национально-освободительного движения, но здесь не написано то, что он был одним из главных создателей и руководителей самопровозглашенного государства, которое называлось Штат Идель-Урал в 1918 году. Квази-государство (народная республика) было провозглашено изначально в Казани, но вскоре под влиянием Валиди его столица была перенесена в Уфу, что свидетельствовало тогда о некой борьбе за первенство между тюркскими этносами, что было важно, поскольку в основе этого квази-государства лежала идеология пантюркизма.

После разгрома этого государства большевиками, он попытался создать такие же квази-государственные образования, опираясь на территории под контролем белочехов во время Гражданской войны, а потом Колчака. Ни тем, ни другим почему-то это оказалось ненужным, и он не смог добиться своих целей. В ходе последующих попыток сотрудничества с Советской Россией Валидов осознал невозможность договориться о создании башкирской автономии на его условиях, после чего он переместился в Туркестан, где стал одним из организаторов, уж, по крайней мере консолидаторов, если можно так сказать, басмаческого движения против советской власти и пытался в новой инкарнации создать пантюркистское государство, опираясь на эти силы, политические и военные.

Это первая часть, которая здесь не написана. Вторая часть того, что называется военно-политический деятель, я прокомментирую чуть позже, но то, что он действительно известный и признанный учёный, основавший некоторые направления тюркологии, здесь сомнений никаких нет.

Что дальше? А дальше «героизация» персоны Валиди начала происходить в Башкортостане с самых ранних лет постсоветского периода, он начинает становиться символом движения за национальное самоопределение в совершенно разных формах... В 2009 г. было принято решение о сооружении центрального памятника Валиди в Уфе, когда президент республики М. Рахимов подписал указ о праздновании в 2010 г. 120-летней годовщины со дня его рождения. После ухода М. Рахимова в отставку проект установки памятника Валиди в Уфе натолкнулся на резкое неприятие со стороны ряда общественных организаций и активистов местного отделения КПРФ и был приостановлен, начался реальный большой политический публичный конфликт.

Памятника до сих пор нет. Его так и не установили. Это памятная доска гово-

рит о том, что его имя присвоено библиотеке. Ну и улица Фрунзе была переименована в улицу Заки Валиди в Уфе.

Что дальше? Дальше наша студентка Юлия Буренина с кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ, защитила диплом (вот эта карта из её диплома), где нанесены улицы и монументы, носящие имя Заки Валиди в Башкортостане и доля башкирского населения.

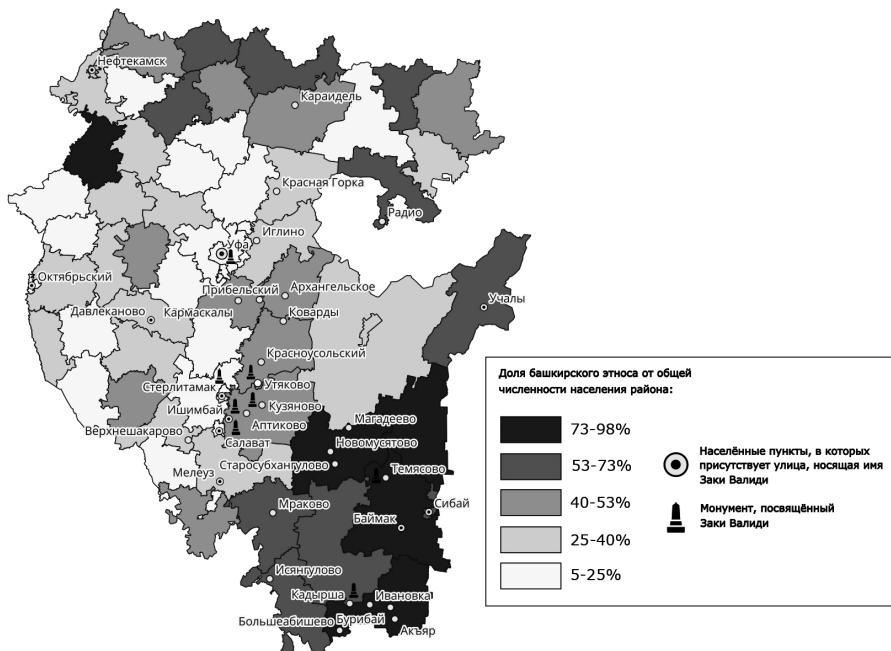

Рис. 4. Распространение улиц и монументов, носящих имя Заки Валиди в Башкортостане

Figure 4. Distribution of streets and monuments named after Zaki Validi in Bashkortostan

Источник: составлено Ю. Бурениной, 2024 г.

Совершенно очевидна взаимосвязь доли башкирского населения с количеством и распространением этих монументов или номинаций вообще. Дополнительно, конечно, есть некий узел концентрации в месте, где родился сам Заки Валиди. Это достаточно стандартная ситуация. То есть, чем больше башкирского населения, тем более вероятно распространение вот этих номинаций в небольших населённых пунктах, вплоть до сел и малых городов в Башкортостане.

Но тут случился 2017 год, в котором Правительство Республики Башкортостан

подарило памятник Ахмет-Заки Валиди Тогану не кому-нибудь, а Санкт-Петербургу. Причём не только Санкт-Петербургу, но и Санкт-Петербургскому государственному университету, федеральной организации, установив именно во дворе нашего университета вот этот самый бюст, который здесь изображён.

Рис. 5. Бюст востоковеду Валиди убрали с территории СПбГУ после проверки прокуратуры

Figure 5. Bust to orientalist Validi removed from the territory of St. Petersburg State University after an inspection by the prosecutor's office

Источник: Рождественский Д. Бюст востоковеду Валиди убрали с территории СПбГУ после проверки прокуратуры // Комсомольская правда: Санкт-Петербург. 2021. 27 января. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spb.kp.ru/online/news/4165928/> (дата обращения: 24.01.2025).

Кроме того, стали устанавливаться при поддержке руководства Башкортостана и административные связи, связанные с номинацией некоторых подразделений университета именем Валиди. Этот бюст стоял до 2021 года... Но в 2020 году мама какого-то студента СПбГУ подала обращение на сайт университета, говоря о том, что она просит убрать этот монумент, поскольку он связан с именем сепаратиста. Год шло разбирательство, была подана жалоба и в прокуратуру Санкт-Петербурга. И прокуратура вынесла определение, требующее демонтировать данный монумент, поскольку признала пособничество Заки Валиди Тогана нацизму во время Второй мировой войны. Достаточно известный факт, что существовало подразделение, носящее имя «Идель-Урал» в составе вооружённых сил нацистской Германии, и это подразделение тоже было связано с именем Валиди. Решение было тут же выполнено, и в январе 2021 года появилась такая картина.

Рис. 6. Бюст востоковеда Ахмет-Заки Валиди «съехал» с филфаковского дворика. Прокуратура рассмотрела в нём пособника нацистов

Figure 6. The bust of orientalist Akhmet-Zaki Validi "moved" from the Philfakovsky courtyard. The prosecutor's office considered him a Nazi collaborator

Источник: Бюст востоковеда Ахмет-Заки Валиди «съехал» с филфаковского дворика. Прокуратура рассмотрела в нём пособника нацистов // Фонтанка.ру. 2021. 27 января. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fontanka.ru/2021/01/27/69728951/> (дата обращения: 24.01.2025).

Что дальше? Дальше началось активное обсуждение в СМИ. Всемирный курултай башкир выразил озабоченность и попросил прокуратуру и СПбГУ разъяснить ситуацию с установленным и снесенным на территории вуза бюстом Ахмет-Заки Валиди. Конфликт стал уже не региональным, а по крайней мере всероссийским. А учитывая, что именем Валиди номинированы памятник и урбонимы в Турции, то и международным. Ну и оставался вопрос, снесут ли памятники Валиди в Башкирии? Действительно, вопрос был не праздный. Мы видели, сколько их, этих памятников Валиди.

Каков ответ? Ну, во-первых, что сейчас. Вот две недели назад я сфотографировал то место, где стоял памятник Валиди. Здесь нет никаких букв, никаких цифр. Что это такое, я не знаю, но это стоит на том месте, где был памятник.

Рис. 7. Место памятника
Figure 7. Place of the monument

Источник: личный архив автора.

Но есть город Сибай, про который, собственно, Юлия Буренина нашла любопытные факты, и мы их дополнили. Это крайний юго-восток Башкортостана, районный центр с преобладанием башкирского населения, где в 2000 году был установлен бюст Валиди, причём, по инициативе Андрея Назарова, одного из будущих руководителей Республики Башкортостан.

В 2013 году была проведена реконструкция, и памятник дополнили списком его заслуг, которые были написаны на свитке. Вот здесь видно золотой такой свиток.

Рис. 8. В одном из городов Башкирии пропал памятник Ахмет-Заки Валиди
Figure 8. A monument to Akhmet-Zaki Validi disappeared in one of Bashkiria's cities

Источник: В одном из городов Башкирии пропал памятник Ахмет-Заки Валиди // Аргументы и факты: Уфа. 2021. 23 сентября. [Электронный ресурс]: URL: [https://ufa.aif.ru/society/details/u_одном_из_городов_bashkirii_propal_pamyatnik_ahmet-zaki_validi](https://ufa.aif.ru/society/details/u_odnom_iz_gorodov_bashkirii_propal_pamyatnik_ahmet-zaki_validi) (дата обращения 24.01.2025).

В 2021 году они куда-то пропали. Как-то удивительно сразу же после определения прокуратуры и сноса памятника в Санкт-Петербурге это случилось. Совершенно случайно. Это совпадение: поскольку руководство города точно это сказали, что никакой связи здесь нет, а монумент на реконструкции.

Однако в 2023 году картинка выглядела уже вот так. Постамент был полностью разрушен, никакой реставрации постамент этот явно не подлежал, поскольку он разрушен. Ну и памятник на месте быть восстановлен не может. Сейчас, по крайней мере, постамента нет. Никаких комментариев администрация не даёт.

Что дальше? А дальше начались обсуждения в СМИ и в общественных организациях. Это две цитаты заголовков из достаточно популярного интернет-ресурса в Башкортостане. «Нацист, фашист, сепаратист? Кто и зачем пытается демонтировать бюст Заки Валиди в Санкт-Петербурге». Один заголовок. Второй заголовок: «Если это снос, то это выстрел в сердце целого народа. В Сибае снесли постамент бюста Ахмет-Заки Валиди». Очевидно, что здесь некая конфликтная коннотация даже в заголовках этих публикаций угадывается.

А вот картинка — это интернет-творчество, как я понял, простых жителей Сибая... Они хотели помочь гостям города, показав им лучшие места, которые можно посмотреть и посетить, если они приезжают в их город.

Что это за места? Памятник Маяковскому, бюст Ахмету Валиди, бюст Салавату Юлаеву, бюст Гафури и архитектурный ансамбль «450 лет вместе с Россией». Что это означает? В контексте символической политики для нас это означает то, что этот бюст, этот памятник занимал достаточно важное место в брендинге и в символической общественной политике этого города. Конфликтная ситуация? Куда более, мне кажется. Да?

Это иллюстрация того, как может быть все это доведено до достаточно острой фазы, которая выливается в политический конфликт на разных пространственных уровнях, который еще далек от завершения.

Ну теперь к науке. Символический капитал города мы, вслед за коллегами, определяем достаточно стандартно. Это совокупность значений или смыслов города. Добавим, что и его отдельных территорий, отдельных мест в городе, которые обеспечивают узнавание, известность, престиж, доверие со стороны различных социальных групп. Мы опираемся в нашем исследовании методологически на концепции критической геополитики, которая подчёркивает значимость ментального, очень важного для нас в этом обсуждении. Помимо выделения традиционных разделов геополитики, критическая геополитика подчёркивает значимость представления о территории и контроля над ней любым субъектом общественных отношений... Не просто контроля, а представлений о контроле: где чья родина? Где наше место? Где своё? Где чужое? — и так далее в политическом контексте. И, второе, это практики отношений по поводу власти в пространстве с помощью семантики и риторики... Что это такое? Вот как раз символы и дискурсы — это те

инструменты политики, которые используются в этом случае, и именно то, что нас будет интересовать здесь больше всего.

Исследователи урбанистических знаков и урбанистической символической политики Nas, Jaffe и Samuels разделяют все типы урбанистических знаков или носителей символов на четыре крупные группы: материальные носители или знаки, которые мы будем называть МУЗ (материальные урбанистические знаки) — это все, что выражено в материальных структурах: памятники, названия улиц, номинации учреждений и так далее — всё, что можно физически видеть в ландшафте. Дискурсивные — проявляемые в публичных дискурсах. Иконографические — в данном случае понимается как символические для города персоны... Ничего больше в этом слове нет. Поведенческие — разного рода общественно значимые события (можно их назвать событийными). Нас будет интересовать первая категория.

Специалисты выделяют уникальные для символической политики свойства материальных урбанистических знаков, которых нет у остальных носителей, перечисленных выше. Первое, Владимир Гельман выделяет длительность существования, их закреплённость в ткани города, как уникальное свойство. Я бы сказал, чаще всего даже неустранимость из политического контекста этих символов, в отличие, скажем, от дискурсов, публикаций в СМИ, которые проходят и их забывают. Памятники часто стоят столетиями. Сменяются власти, сменяются политические эпохи, сменяются дискурсы, сменяется состав политических сил и акторов в городе, а они стоят. Минимум, что на них сохраняется, как правило, это то, что было написано на них с самого начала: тот, кто устанавливал памятник, что-то на нём написал. Это первичная номинация, она может меняться, но, тем не менее, она есть (эта первичная номинация).

Второе, это то, что говорил Пьер Бурдье. Власть номинации — это формирование представления легитимности ценности и её публичного признания. Это крайне важная характеристика материальных урбанистических знаков, поскольку, если уж памятник стоит и его власти не сносят, значит, властям он пригоден. Он признается, как имеющий право здесь стоять. То есть он входит в признанную публичную символическую повестку. Если против него или его носителя не протестуют, общественность, пресса, СМИ и так далее, то это и публичное признание. Не только властная легитимность, но и публичное признание.

Несколько авторов писали на тему того, что символы, связанные с материальными знаками, с большей вероятностью кодируются сознанием горожанина в виде априори нормального, комфорtnого и позитивного восприятия. Действительно, если Вы родились на улице Халтурина, ходили там в школу, если Вы ели знаменитые питерские пышки на улице Желябова неподалёку, ходили в ДЛТ покупать школьную форму на улице Желябова, покупали там же свою лучшую в жизни путёвку в бюро путешествий и экскурсий в советское время, кто вас убедит,

что это плохие люди, именами которых названы эти две улицы?! Не могут именем плохого человека назвать улицу, где я родился! Она моя родная улица. Я про неё песенки пишу какие-то или что-то сочиняю или там пишу в письмах, что вот я пошёл гулять по улице Халтурина. То, что это террористы, убившие массу людей... Ну не может быть, не хочется про это думать. Это вот примерно так работает.

Особое средство политического манёвра, использующего принцип отделённости, вариативности, интерпретации таких знаков выделяет ведущий исследователь по теме политики памяти и символической политики Ольга Юрьевна Малинова. Что это за средство политического манёвра? Ну, классический пример Колумб. На фоне статуи Колумба выступали президенты Соединённых Штатов Америки с удовольствием всегда. Это стандартная картинка из Вашингтона. Они не смущались соседства с Колумбом, а сейчас к нему, к этому памятнику Колумбу ни один уважающий себя политик даже не приблизится в Соединённых Штатах Америки. По понятным причинам: изменилась интерпретация одного и того же символа. Памятник как носитель символа остался прежним, а интерпретация его поменялась.

Это памятник Исмаилу Гаспринскому, стоящий в Симферополе. Поставили его, по-моему, в 1993 году.

Это классический случай того, что прямо при установке можно заложить лукавую интерпретацию. Здесь две таблички: одна на русском, другая на тюркском языке. Я специально так сказал, на тюркском. Первая короткая «Исмаил Гаспринский — выдающийся просветитель крымско-татарского народа». И спрашивается, на какую аудиторию это рассчитано и какой масштаб охвата территориального подразумевается с точки зрения посыла. Очевидно, что это адресуется населению Крыма в первую очередь, чтобы можно было по-русски прочитать и крымским татарам, и русским, и всем русскоязычным, проживающим в Крыму в равной степени. Это некий примиренческий символ, который здесь номинирован на русском языке. Что написано по-турецки. Кстати, почему по-турецки? Исмаил Гаспринский — великий человек без кавычек. Это философ, мыслитель, не политик, но который считается основателем идей, не идеологий, а идей, лежащих в основе мирового пантюркизма. Повторю, сам он эту идеологию не изобретал. А что он изобретал? Он изобрёл, например, пантюркский язык, ни больше ни меньше, единый язык тюрков, на котором стали печататься периодические издания, писаться книги, вестись очень активная межтюркская коммуникация... И этот новый, искусственно выведенный пантюркский язык даже изменил некоторые тюркские языки существенным образом. Это достаточно известная вещь. В том числе повлиял на турецкий язык. Может быть, на этом языке, я не уверен, не могу сказать точно, на постаменте написано: «Всемирно известный мыслитель, издатель, просветитель, писатель и общественный деятель, который боролся за единство тюркских народов». На какую аудиторию это по-турецки может быть, адресовано? Только ли на тюркоязычных крымских татар? Совершенно точно нет, поскольку здесь речь идёт о всемирной

проблематике. Второе, за единство тюркских народов... То есть это вся тюркоязычная аудитория или считающая себя причастной к тюркскому миру. Это глобалистская проблематика, напрямую geopolитическая, которая адресована совсем другим аудиториям. Это то самое лукавое приспособление уже изначальной номинации, таргетирующее аудитории, таргетирующее смысл. Вот об этом речь.

Какие geopolитические маркеры можно искать в символике городских объектов? Сложный вопрос. То есть что же, собственно, отличает geopolитический символ от негеополитического в этой самой символической политике? Вот мы придумали такие критерии, которые применили в явном виде в наших исследованиях.

Первый маркер. Это наличие в символах иностранного контроля над этой территорией в прошлом: это опыт, связанный с оккупацией, иностранным государственным суверенитетом и так далее. Второе. Это следы памяти о войнах России или СССР с внешними врагами как на её территории, так и во вне. Далее, приобретение или потеря geopolитических зон влияния в международном масштабе методами создания союзов, альянсов, договоров, ну и с равноправным или доминирующим участием России или СССР в первую очередь... Никак не в подчинённом статусе, наверное, все-таки, да?

Освоение новых территорий Россией, СССР... Это ещё более неочевидная вещь... Это приобретение влияния или контроля над новой территорией методами первооткрытия, фронтьера, эффективного освоения и так далее. Это перво-проходцы, первооткрыватели, которые дают в некоторых случаях даже формально права на особый статус новой открытой территории или акватории государства-первооткрывателю этой самой территории или первоосвоившему эту самую территорию.

Структура связанного с материальным пространством символического geopolитического капитала города мы исследовали на примере Санкт-Петербурга. Так было удобно и, более того, обоснованно, поскольку geopolитическое прошлое Санкт-Петербурга максимально вариативно из крупных городов. Возможно, потому что все категории geopolитических маркеров, которые мы перечисляли, здесь присутствуют. Не всегда это так в разных городах. Из чего же состоит символический geopolитический капитал?

Из мемориальных объектов — это номинации учреждений, монументов, мемориальных досок, захоронений, сооружений и комплексов и прочих знаков, которые связаны с непосредственной историей этого места.

Топонимические и ономастические объекты. Это номинации, которые могут вполне быть не связаны с историей данного места, просто названия которых почему-то связаны с какими-либо geopolитическими символами.

Религиозные и специализированные объекты. Слово религиозные, наверное, с geopolитикой не у всех в голове легко соединяется. Но, тем не менее, уверяю вас,

я приведу примеры. Вы поймёте, что это именно так. Что такое специализированные объекты? Ну всё, что угодно: музей, например, или библиотеки.

Различные арт-объекты немонументального характера: муралы, мозаики и прочее. Все, вплоть до временных «произведений», типа рекламы, можно сюда включать, если есть почему-то такое желание. У нас пока нет.

Открыто экспонируемые трофеи и перемещённые ценности и другое.

Всё это было изучено.

Иллюстрации. В 2022 году мы с магистрантами программы «Геоурбанистика» создали атлас религий в пространстве Санкт-Петербурга. Один из разделов был связан с geopolитикой и религиозными объектами. Это карта отражает количество номинаций, зафиксированных внутри или поблизости от храмов или религиозных объектов, затрагивающих так или иначе geopolитические отношения с различными странами.

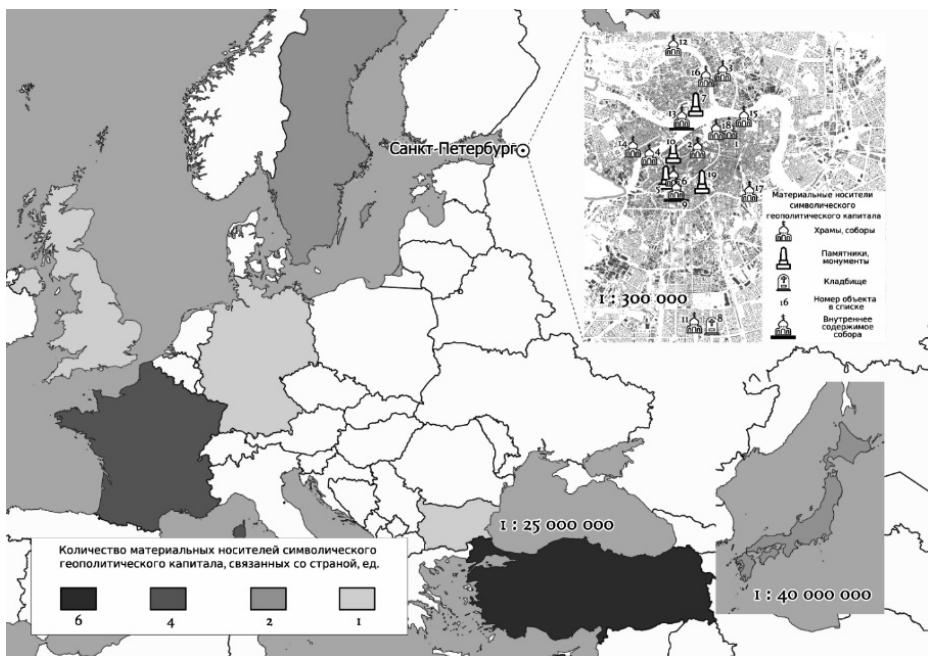

Рис. 9. Количество материальных носителей символического геополитического капитала, связанного со страной, ед.

Figure 9. Number of material carriers of symbolic geopolitical capital associated with the country, units.

Источник: составлено Е. Дегода, 2022.

Оказалось, что максимальное количество таких знаков, связанных с религиозными объектами, относится к государству по имени Турция. Наверное, это никого не удивляет, учитывая количество войн между нашими странами.

Следующая по численности на этой карте — Франция, чуть меньше объектов связано со Швецией и Японией. Здесь есть, естественно, и Германия, есть Великобритания и так далее. В общем, это один из методологических приёмов, которые можно использовать.

А зачем это вообще надо? Есть какие-то Цусимские колонны или что-то такое рядом с храмом, стоят себе столетиями и никого они особо не интересуют, и никто особо не знает, что рядом с Николой Морским — одним из самых красивых храмов Петербурга — стоит колонна в садике, связанная с событиями Русско-японской войны. Казалось бы, XVIII века храм, причём здесь Русско-японская война, ну стоит и стоит, мало кто знает. Собачки, мамы с детишками гуляют. Спроси их, наверное, они не будут точно знать, про что это колонна. Почему это важно? Потому что существует латентная возможность использования этих символов в целях современной символической политики.

Поясню сначала на другом примере. Памятник Лесе Украинке стоит в Москве с советских времён, памятник Тарасу Шевченко стоит на Петроградской стороне в Санкт-Петербурге. Никаких публикаций, связанных с этими памятниками, десятилетиями не было. И вдруг в один момент масса публикаций о том, что в один и тот же день к этим монументам в обоих городах было принесено огромное количество цветов. Отдельные букеты там бывали и раньше, но в этот раз одномоментно появилось огромное количество цветов, причём определённых расцветок.

Что это означает? Это означает, что латентно существовавшая возможность использования этого символического инструментария была не востребована акторами существовавшей до той поры политической повестки, но вдруг потребовалась в новой конъюнктуре и была использована, когда появилась такая возможность. Кто скажет, что вдруг кому-то не захочется что-то, связанное с войнами со Швецией, продемонстрировать в своей политической повестке в какой-то период времени... Или с Японией, или с Германией, или с чем-то ещё. Мы сейчас наблюдаем такие попытки не только по отношению к соседним государствам, а к некоторым другим государствам со стороны некоторых акторов политики.

Это востребовано в определённый момент как ресурс, причём ресурс, как выясняется, крайне важный. Достаточно вспомнить пример «Бронзовой ночи» в истории «Бронзового Солдата» в Таллине в 2007 году. Ситуация, которая была связана с локальным событием переноса (якобы) памятника советскому воину-освободителю в Таллине в другую локацию, вызвала местный конфликт с применением насилия и повлекший жертвы, и международный политический резонанс. Поэтому это не просто игрушки.

Принципы размещения этих самых знаков. Мы исследовали для каждой кате-

гории такие принципы. Я здесь не буду перечислять: их много, и они разные для разных категорий знаков, они опубликованы в «Полисе». Но вот общие для всех категорий — это то, что я просто назову, не буду останавливаться.

Это принцип пространственной концентрации, не повсеместно ровненьким слоем концентрируются эти символы, и не просто так. Пространственной приуроченности. Они действительно почему-то в каком-то конкретном месте размещаются: именно в этом месте, и ни в каком-то другом — они к чему-то приурочены. Пространственной иерархии. Существуют главные памятники, а существуют неглавные одной и той же персоне. Есть главный памятник Ленину, а есть неглавные памятники Ленину.

В начале девяностых годов, в самый период демократизации, в администрации А. Собчака принималось решение о том, сносить ли все памятники Ленину. Вспомним, что мэр Санкт-Петербурга А. Собчак — это один из главных идеологов либерализации и демократического направления российской политики, один из создателей Конституции РФ. Так вот, тогда было принято решение. Как вы думаете, какое? Сносить все памятники Ленину в переименованном по инициативе Собчака городе Ленина или нет? Нет, не сносить. Оставить все памятники Ленину? Нет, не оставлять. Были выбраны 6 или 8 (боюсь соврать) памятников по принципу иерархичности или культурной значимости. Значимость или иерархичность, в общем-то, это в некоторых случаях синонимы. И они были оставлены абсолютно осознанно, а «неглавные» — снесены.

Эффективной пространственной представленности для целей символической политики. А вот здесь любопытно. Здесь может быть все, что угодно. Здесь уже может быть и равномерное размазывание, — например, единая матрица урбонимов, которая была применена в советское время и не только в советское время, не только у нас, где в каждом городе, в каждом населённом пункте должны были быть улицы Ленина, Кирова и дальше по списку в обязательном порядке. Это эффективно для одних типов целей. Если мы хотим что-то очень важное донести до определённой аудитории, мы, например, можем что-нибудь сконцентрировать, — это, например, сооружение совершенно колossalного комплекса под Москвой «Парк Патриот» с огромным количеством связанных между собой символических объектов и смыслов, которые расположены на одной огромной территории. Все это совершенно очевидно является, во-первых, сконцентрированным проявлением какого-то символического политического месседжа, а с другой стороны, иерархически абсолютно главного: главный храм Вооружённых сил, если кто не видел, очень рекомендую посмотреть — это совершенно незабываемое зрелище, как бы кто не относился к художественным стилям и решениям. Это абсолютно незабываемое зрелище циклопического сооружения. Не только одного, там их много.

Поэтому совершенно разные могут быть цели, разные инструменты их воплощения для эффективной пространственной представленности.

Я, пожалуй, не буду здесь останавливаться очень долго. Только скажу, что вот в этой табличке представлены примеры конфликтов, не только типов материальных символов и разделов научной геополитики, но и примеры конфликтов, которые иллюстрируют все эти самые разделы геополитики и все рассматриваемые типы материальных знаков, связанные с нашими критериями, которые чуть выше вам обозначал.

Табл. Примеры конфликтов и активизма с использованием материальных геополитических знаков, по потенциальным источникам конфликтогенности, имеющим отношение к новейшей истории России.

Table. Examples of conflict and activism using tangible geopolitical signifiers, by potential sources of conflictogenicity relevant to Russia's recent history.

Потенциальный источник конфликтогенности	Рассматриваемые типы МГУЗ связаны с:	Зафиксированные конфликты / факты активизма
Разное отношение акторов к практикам и проявлениям территориальных стратегий, их результатам и последствиям	А. Войнами с внешними врагами. Б. Удержанием / расширением государственной территории. В. Государственным суверенитетом над территорией.	А. Конфликт вокруг «Бронзового солдата» в Таллине. АБ. Снос памятника на месте захоронения финских солдат в Приморске. АБ. Конфликт вокруг установки памятной доски К.Г. Маннергейму в Санкт-Петербурге. В. Появление пл. ДНР перед посольством США в Москве.
Разное отношение акторов к концепциям и предлагаемым картинам мира	А. Геополитическими концепциями и теориями. Б. Различными геополитическими картинами мира	А. Конфликты вокруг установки памятников А. Валиди в СПб и Уфе. АБ. Протесты в Махачкале на ул. Имама Шамиля. Б. Борьба за установку памятника павшим защитникам Казани в противовес памятникам взятию Казани в 1552 г.

Потенциальный источник конфликтогенности	Рассматриваемые типы МГУЗ связаны с:	Зафиксированные конфликты / факты активизма
Разное отношение акторов к представлениям о контроле над территорией	<p>А. Международными союзами, организациями и зонами влияния (Коминтерн, соцлагерь и т.п.).</p> <p>Б. Географическими открытиями и освоениями.</p> <p>В. Способами государственного устройства.</p>	<p>А. Конфликт вокруг переименования г. Кингисепп.</p> <p>Б. Протесты против установки памятников атаману Ермаку в Тобольске, Омске, Таре; Установка и снос после протестов памятника «Подвигу русских солдат» в честь основания в начале Кавказской войны русской армией форта Святого Духа в Сочи.</p> <p>В. Акции монархистов у «тематических» храмов; Переименование части улицы перед посольством РФ в Вашингтоне в ул. Б. Немцова.</p>

Источник: составлено автором по материалам СМИ.

Очевидно, что здесь представлены все разделы критической геополитики, о которой мы говорили, и все критерии отнесения к геополитическим материальным носителям символов в наших городах имеют конкретные примеры не просто знаков, а конфликтных взаимодействий, причём разного масштаба, вплоть до глобального.

Теперь перейдём к общим выводам о принципах и закономерностях формирования и использования символического геополитического капитала, связанного с городским пространством в политике. Первый принцип или закономерность — это специализация в номинации. Одни номинации, их типы, могут применяться в производстве одних типов материальных знаков и не использоваться в других. Так, в имперский период в топонимической политике Санкт-Петербурга не практиковалась номинация урбонимов в честь полководцев и военачальников, за исключением мест, принадлежащих им по праву собственности (ул. Потемкинская, Орловская и др.). При этом монументы сооружаться могли. На этом фоне резко выделяется исключение — до 1917 г. пять урбонимов были названы именем А.В. Суворова. Такие подходы могут применяться в одни периоды осуществления сим-

волической политики и не применяться в другие. То есть акторы символической политики различают значимость и возможность использования инструментария различных типов материальных геополитических урбанистических знаков в зависимости от эффективности и допустимости их использования для достижения своих целей в конкретных общественно-политических условиях. Это первый вывод.

То, что я уже упоминал, это латентный, отложенный или замороженный характер заложенного в знаках потенциала конфликтогенности, который, может быть не видим обществом на протяжении десятилетий и даже столетий, но способен быть «извлечён» средствами символического менеджмента любым типом акторов: и политическими акторами (власть придерживающими), и экономическими... На деньги меценатов ставится сейчас удивительное количество и разнообразие геополитических знаков, многие из которых тут же вызывают конфликтные ситуации в Российской Федерации. Устанавливаются знаки общественными организациями и даже индивидами. Некоторые ставят на своём заднем дворе памятник кому-нибудь, и конфликтные ситуации либо происходят сразу, либо позже, в момент смены общественно-политического дискурса.

Следующий вывод или принцип. Смена иерархии материальных, геополитических, урбанистических знаков. На период существования определённого политического контекста и соответствующей ему символической политики новые символические места, связанные с городскими монументами, улицами, объектами при реконфигурации символического пространства города с использованием описанных выше инструментов становятся более известными, значимыми, центральными в медийном общественном пространстве.

Что это значит? Смысл в том, что раньше, в советское время совершенно точно главным памятником был памятник Ленину, причём тот из них, который стоит на самой знаковой площади каждого города. Рядом с ним проходили главные события, митинги и так далее, приуроченные к властной повестке. Однако в постсоветское время у памятников Ленина почему-то ничего подобного не происходит. Наоборот, случаются акты вандализма и даже террористические акты, но никак не то, что происходило в советское время. А другие знаки становятся более важными: происходят митинги около важных в данный момент символов, которые могут принести что-то значимое в современную повестку для акторов. Я уже приводил пример памятников Шевченко и Леси Украинки или событий из таблицы. Вы сами приведёте и другие примеры.

В этом случае меняется иерархия, то есть значимость политической повестки тех или иных знаков. Она может закрепляться, может не закрепляться, она может быть мимолётной, например, сиюминутная значимость какая-то проявляться, но иерархия-то изменится в этот момент. Потом может возвратиться в какую-то другую конфигурацию. В этот период они поднимаются в иерархии, снова отходя на

задний план по окончанию таких периодов.

Явление стадийности или волн геополитической символической политики в городском пространстве. Один из примеров в этой области — это интернационализация и деинтернационализация городских номинаций, например, в Санкт-Петербурге-Петрограде-Ленинграде-Санкт-Петербурге. Оказывается, волн, когда по идеологическим соображениям было можно использовать в номинации иностранные названия и когда нельзя, было несколько, и они сменяли друг друга на протяжении ста лет неоднократно. Некоторые из них очень известные.

Например, когда Петербург был переименован в Петроград в связи с Первой мировой войной и антигерманскими тенденциями. Тогда же было переименовано много чего, не только само название города.

Следующий период — это период интернационализации, связанный с Коминтерном, и в первые годы советской власти пришло очень много международных названий, не только связанных с международным революционным движением, близким по времени (Либкнехт, Люксембург и так далее), но и связанных, например, с Великой Французской революцией: Марат, Робеспьер — это всё имена, пришедшие в тот момент на наши улицы и в наше пространство. Были другие номинации, которых мы сейчас не знаем, они исчезли.

Тем не менее, это не последнее. Деинтернационализация произошла в связи с событиями Второй мировой войны. Много чего было переименовано в по-советски звучащие номинации из того, что было иностранно звучащим. Потом пришла великая волна брежневской интернационализации обратно. В чём это выражалось? На улицы, не только Ленинграда, но и других городов выплеснулась «волна соцлагеря». Улицы имён деятелей социалистического движения в странах социалистического лагеря, имени стран и топонимов из этих стран, городов-побратимов и так далее. Причём это было сделано в соответствии с идеологической повесткой того периода времени, связанной с геополитикой.

Были более мелкие. Был очень интересный момент, связанный с Высочайшим повелением от 16 (28) апреля 1887 г. и периодом, когда одновременно на улицы столицы выплеснулось огромное количество новых топонимов в виде номинаций улиц, переулков, других объектов по итогам присоединения Кавказа, Польши, Прибалтики и Финляндии к России в течение XIX века. Это Тифлисская, Гельсинфорсская, Гапсальская, Двинская, Виндавская, Свеаборгская, Эстляндская, Курляндская, Лифляндская улицы, Ковенский, Виленский, Ревельский, Либавский, Дерптский, Нейшлотский переулки, Эстляндский мост и др.

Самое интересное. Каждая такая волна не исчезает полностью при смене конъюнктуры, а формирует своеобразный геополитический символический след в материальном пространстве города (термин придумал Роберт Гресь). Этот след состоит из обсуждаемых нами знаков. Он закреплён тканью города, поэтому это след.

Этот след, состоящий из материальных знаков, может быть более эффективно, чем прочие носители смыслов, использован в новых политических условиях, представляя акторам более привычные и «нормальные» для горожан символы, требующие лишь коррекции в их интерпретации и целях собственной символической политики. Эти знаки при этом, помимо собственно прикладных политических коннотаций, могут эффективно отсылать к целым geopolитическим эпохам, принципам и связанным с ними характеристикам. Смотрите, что произошло. В XIX веке Свеаборгские и Нейшлотские переулки выплеснулись на карты... Их десятки... В советское время часть из них переименовали: Виленская стала улицей Красной связи, Эстляндская — ул. Степана Разина и т.д. Во времена А. Собчака в начале девяностых годов топонимическая комиссия приняла решение о возвращении им исторических названий —казалось бы простое решение и логичное. Так поступают во многих городах. Именно таким образом меняют, десоветизируют топонимические названия в большинстве городов. Однако не всё так просто. Ну вернули вы Свеаборгскую улицу... Многие ли из вас, присутствующих здесь, знают, что такое Свеаборг, где он находится? И уж я не буду спрашивать, где находится Нейшлот. А Виленский переулок совсем не для всех будет означать, что это город Вильнюс, в принципе, да? И таких названий-то десятки. Казалось бы, можно было просто переименовать, в Вильнюсскую улицу или там Вильнюсский переулок, если уж это был Виленский, чтобы хотя бы какую-то связь с современной географией соблюсти. Её не соблюли, оставили наименование в написании имперского времени [Аксёнов, 2023а].

К чему отсылает такое название в символической политике — конкретной географической локации? Или к конкретному факту приобретения какой-то территории Российской империей, на что было направлено Высочайшее повеление в семидесятых годах XIX века? Точно совершенно, нет, потому что публика не знает, что это и где эти приобретения. Они не знают, о чем идет речь. Виленский, Свеаборгский, Нейшлотские названия, к чему они могут отсылать современного наблюдателя городской топонимии? К Российской империи... И что это значит? Это значит, что это некий латентный инструмент, который даётся в руки имперскому политическому дискурсу в плюс или в минус. Это отсылает к имперскому периоду, по крайней мере. Если это так, то вопрос следующий: было ли это заложено в идеологию переименования, которая была при Собчаке? Предполагаю, что нет, об этом тогда точно не думали младо-демократы, которые этим занимались под руководством администрации Собчака.

* * *

Я сегодня пытался показать, что символический геополитический капитал современного российского города потенциально способен оказывать эффективное влияние на формирование в обществе не только «нормативной» (официально одо-

бряемой), но и «нормальной» (обыденно известной) геополитической картины мира, в которой одни геополитические акторы воспринимаются более как «чужие», а другие — как «свои»; одни геополитические исторические события — как «важные», другие — как «неважные» или даже «несуществующие». Очевидно, что такие картины могут служить основой выработки «доминирующей» идеологии или политической стратегии, служить латентным потенциалом для мобилизации сторонников, протеста и активизма для любых политических групп, связанных с определенной геополитической повесткой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аксёнов, К. Э., Гресь, Р. А. Геополитический символический капитал и монументальное пространство городов Северо-Запада РФ // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 113–137.
2. Аксёнов К. Э., Галустов К.А. Городские режимы и общественно значимые проекты трансформации городской среды в Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2023. Т. 68. № 1. С. 4–28.
3. Аксёнов К. Э. Пространственные факторы конфликтогенности в использовании городского символического геополитического капитала в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2024. Т. 88. № 5. С. 804–819.
4. Аксёнов К. Э. Символический геополитический капитал и городское пространство // Полис. Политические исследования. 2024. № 1. С. 67–88.

REFERENCES:

1. Axenov K. E., Gres R. A. (2023a), Geopolitical symbolic capital and monumental space of the cities of the North-West of the Russian Federation, *Geograficheskaya sreda i zhivye sistemy*, no 2, pp. 113–137. (In Russ.).
2. Axenov K. E., Galustov K. A. (2023b), Urban regimes and socially significant urban transformation projects in the Russian Federation, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle*, vol. 68, no 1, pp. 4–28. (In Russ.).
3. Axenov K. E. (2024a), Spatial factors of conflictogenicity in the use of urban symbolic geopolitical capital in Russia, *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, vol. 88, no. 5, pp. 804–819. (In Russ.).
4. Axenov K. E. (2024b), Symbolic geopolitical capital and urban space, *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no 1, pp. 67–88. (In Russ.).